

ПОДВИГ АРТИСТА

Я ПОПАЛА в цирк девятого мая, когда люди так щедрь на улыбки и добрые слова. И цирк, который всегда праздник, стал праздником вдвойне — от общего какого-то особенного душевного настроя, оттого, что каждый помнил, что за день сегодня.

Было много смеха, аплодисментов, цветов.

И вдруг:

— Заслуженный артист РСФСР Лев Осинский!

Сердце замерло: неужели он, тот самый?

Раздались звуки вальса. И словно ожила прекрасная скульптура. В программе этот номер называется «эквilibр». Не берусь судить профессионально о сложнейших его элементах, обо всех «флажках» и стойках. Не видел их они, эти элементы, потому что было совершенное произведение искусства. Была красота, пластичность, одухотворенность. И все это высоко в воздухе, на шесте, который выдвигается из вращающегося круга колонны-пьедестала.

Да, конечно же, это он, Лев Александрович Осинский, человек редкого мужества.

ОН НЕ МЕЧТАЛ об арене. Просто, как все мальчишки, любил посмотреть заезжих фокусников и акробатов. Его будущее определилось совершенно неожиданно.

Это было в 37-м году, в Уральске. Лева Осинский, потерявший родителей, жил в детском доме. Приезд в городок труппы Дойнова стал для детдомовцев целым событием. Лева не пропустил ни одного представления: он любил физкультуру и лучше всех жал стойку. Потому Дойнов и выбрал именно его для своего номера, для «мальчика-каучука».

Тридцать лет назад, сам себе не веря, он услышал, как объявили его первый выход: «Юный артист Лев Осинский — человек-змея!».

Тяжелые это были дни — работа с Дойновым. Ему не позволяли забывать, что приняли «из милости».

Кто знает, как бы сложилась жизнь «юного артиста», если бы не встреча с Волжанскими, настоящими артистами, настоящими людьми. Они стали его учителями, его семьей.

Лева впервые узнал, что такое человеческое участие, путь к мастер-

ству, великое цирковое братство. Это пришло к нему в 40-м году в Тбилисском цирке.

МЫ СИДИМ с Львом Александровичем у вагончиков, в которых артисты готовятся к выступлению. Доигрывается партия в домино, идет бурное обсуждение прогнозов футбольного матча Венгрия—СССР. А я прошу рассказать о войне, о том, что вспоминалось бывшему старшему сержанту Осинскому в День Победы. И он говорит:

О КРАСОТЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ

— Меня призвали в армию в 42-м. Попал в противотанковую артиллерию. Когда обороняли Тулу, был ранен в плечо. Попал в госпиталь, но удалось сбежать в свою часть.

Что больше всего помнится? Курская дуга. Массовый танковый бой под Прохоровкой. Горячая там была у нас работа! Наше орудие подбило в том бою три танка. (— А кто был командиром орудия? — Я). По крестам наводили. И сейчас вижу эти кресты.

Никогда не забуду, как освободили Белгород. Стояло наше орудие во ржи. На рассвете, как обычно, началась артподготовка. А потом танковая атака. Фашистский танк идет прямо на нас. Мы его прямой наводкой — подбили! Обрадовались, запрыгали, как мальчишки. В расчете-то почти всем по восемнадцать — девятнадцать. Давая выводить звездочку на своей пушке. Вдруг как подтолкнуло что-то. Оборачиваюсь — нас обходит танк. Откуда он взялся, ума не приложу. Кинулся наводить — в руку удар. Взрыва не слышал — оглушило, отбросило волной. А весь расчет — прямым попаданием...

...Осинский не сразу понял, что рука, вот эта, во ржи — его, потому и хлещет из левого рукава кровь. Танк уходит, а он бессильн, не может развернуть орудие одной правой.

Он сцепил зубы, обмотал окровавленный обрубок куском телефонного кабеля и пошел — шаг за шагом — пять километров — к своим, к санчатам.

Врача просил об одном: «Режьте кость подлиннее!» Уже тогда думал: лишь бы можно было укрепить протез, работать научусь заново!

СОЛДАТ возвращается с войны в родной дом. У Осинского другого дома, кроме цирка, не бы-

ло. Он все понимал сам лучше других. Ему трудно было уйти из цирка и еще труднее — остаться. Он остался.

Еще никому ничего не говорил о своих планах. Запирался и делал рывок за рывком, опираясь здоровой рукой о пол, раненой — о койку. Терял равновесие, падал и снова — рывок за рывком. В него верили друзья, а это так много.

Заместитель директора Московского цирка послал в Ереван телеграмму Владимиру Волжанскому:

«Осинский вернулся инвалидом. Телеграфируйте возможность возвращения ваш номер, сообщите испытательный срок. Кузнецов».

В тот же день пришел ответ:

«В любом состоянии, без рук, без ног, безо всякого испытательного срока согласен возвращение Осинского на прежних условиях. Волжанский».

Осинский участвовал в представлении в канун нового, 1944-го года.

Как рассказать об испытаниях, через которые прошел этот человек? Каждый раз, когда раненая рука начинала кровоточить, врачи требовали уйти из цирка. Однажды он подал документы в Строгановское училище (Лев Александрович любит и умеет рисовать) и все-таки забрал их. Только цирк!

Он работал с нечеловеческой нагрузкой, специально набивал мозоль, придумывал новую конструкцию протеза. И добился своего.

Когда Лев Осинский в замершем цирке исполняет «соло-эквilibр», никому в голову не приходит, что этот человек с одной рукой. Так было всюду, где выступал Московский цирк — у нас, в странах Европы, в Китае, Японии, во Вьетнаме. Так было и в Варшаве, на первом в истории цирка международном фестивале, где советский артист Лев Осинский завоевал высшую награду — Большую золотую медаль и диплом лауреата фестиваля.

АРТИСТЫ советского цирка завоевали признание на всех континентах. Каждая поездка за границу памятна для них по-своему. А для Льва Александровича зарубежные гастроли не раз готовили новые испытания.

Когда с огромным успехом шли представления во Франции, Осин-

ский при неудачной разминке сломал ребро. Обратился к врачу только после окончания гастролей: не мог допустить, чтобы номер выпал из программы.

В ноябре прошлого года наш цирк выступал в ГДР. Осинского разыскал немецкий инженер, бывший электрик лейпцигского цирка «Аэрос», и долго извинялся за «ту историю».

«Та история» описана в повести Александра Аронова «Пассажир без билета».

Это было осенью 1956 года. Советский цирк давал шедское представление для своих земляков-воинов, служивших в ГДР. Фронтовики-орденоносцы Осинский открывал программу. Когда он заканчивал номер — был на уровне второго этажа! — неожиданно погас свет. Спустился по стержню на одной руке невозможно: стержень в масле, сорвался.

«Саша, лестницу!» — крикнул Осинский униформисту. — Она за кулисами, у выхода. Лестницы на месте не было, не оказалось ее ни в пожарной комнате, нигде вообще в помещении цирка.

Голова кружилась, рука онемела. Казалось, совсем не осталось сил, но он держался! Держался до тех пор, пока не принесли лестницу со двора.

Когда Осинский вошел в электробудку, электрик объяснил, что перегорели пробки. Осинский проверил — пробки были целы.

Теперь, через одиннадцать лет, тот электрик объяснял: свет был погашен по приказанию бывшего директора цирка «Аэрос» Лангсфельда. Вскоре после гастролей советских артистов он сбежал в Западную Германию, прихватив с собой кассу «Аэроса».

ЛЕВ Александрович о себе рассказывает немногословно.

— Ничего особенного не сделал, просто люблю свою работу. Люблю живопись, рыбалку, охоту, вожу мотоцикл. Мне везет на хороших людей, на друзей. С Волжанскими так и остались на всю жизнь самыми родными. Посчастливилось — даже квартиры в Москве рядом. Свою дочь назвали Мариной в честь жены и дочери Володи Волжанского.

А жена Льва Александровича, Валерия Михайловна Волокова, отличная танцовщица на проволоке, выступает с ним в одной программе. Сейчас у нее горячая пора — подготовка к госэкзаменам в ГИТИСе. Этот институт Осинский закончил несколько лет назад...

...Я не удержалась, чтобы еще и еще раз не прийти в цирк к выступлению Льва Осинского. Снова раздавались звуки вальса, снова оживала прекрасная скульптура.

Н. ОСТРОВСКАЯ.

Пятигорск.